

Мои записки для детей моих, а если можно, и для других

Оригинал здесь: [Slavic Digital Text Workshop](http://SlavicDigitalTextWorkshop.com).

I

"В трудах от юности моей..."

5-го мая 1820 года, в одиннадцать часов пополудни, накануне Вознесения, у священника московского коммерческого училища родился сын Сергей, слабый, хворый недоносок, который целую неделю не открывал глаз и не кричал. -- Помню я тесную, плохо меблированную квартиру отца моего, в нижнем этаже, выходящую на большой двор училища, где в послеобеденное время и вечером гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня в раннем детстве были -- старая бабушка и нянька. Последняя, думаю, имела немалое влияние на образование моего характера. Эта женщина (т.е. старая девушка), сколько я помню сам и как мне рассказывали другие, обладала прекрасным, чистым характером: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ее характеру ничего сурового; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других, больших и малых. Несколько раз, не менее трех, путешествовала она в Соловецкий монастырь и столько же раз в Киев, и рассказы об этих путешествиях составляли для меня высочайшее наслаждение; если я и родился со склонностью к занятиям историческим и географическим, то постоянные рассказы старой няни о хождениях, о любопытных дальних местах, о любопытных приключениях не могли не развить врожденной в ребенке склонности. Как теперь помню эти вечера в нашей тесной детской: около большого стола садился я на своем детском стульчике, две сестры, которые обе были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка с чулком в руках и нянька-рассказчица, также с чулком и в удивительных очках, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка, с очень приятным выразительным лицом (а тогда для меня просто прелестным), с добродушно-насмешливой улыбкой, без умолку рассказывала о странствованиях своих вдоль по Великой и Малой России. Я упомянул о веселом характере старушки, о ее добродушно-насмешливой улыбке: и в рассказах своих она также любила шуточный тон, была мастерица рассказывать забавные приключения, и даже в приключениях вовсе незабавных умела подмечать забавную сторону. Так, например, я очень хорошо помню рассказ ее о буре, которую вытерпело судно с богомольцами в устьях Северной Двины, приключение несколько не забавное, и, несмотря на то, рассказ этот обыкновенно повторялся, когда молодой компании хотелось посмеяться, потому что рассказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяние одного портного, который метался из одного угла судна в другой, крича: "О, ангел-хранитель!"

А между тем судьба моей рассказчицы вовсе не была весела. Родилась она в тульской губернии, в помещичьей деревне. Однажды, когда отец и мать ее были в поле, и она, маленькая девочка, оставалась одна в избе, -- приходит приказчик и с ним какие-то незнакомые люди: то были купцы, которым была продана девочка; несчастную взяли и повезли из деревни, не давши проститься ни с отцом, ни с матерью. Потом ее перепродали в астраханскую губернию, в Черный Яр, к купцу. Рассказы об этой дальней стороне, которой природа так резко отлична от нашей, о Волге, о рыбной ловле, больших фруктовых садах, о калмыках и киргизах, о похищении последними русских людей, об их страданиях в неволе и бегстве, также сильно меня занимали. Занимали и рассказы о собственной судьбе рассказчицы, о сильных гонениях, которые она претерпевала от хозяйского сына; я не мог понимать причины гонений, потому что на вопросы получал один ответ: "да так!" -- и сын чернойярского купца представлялся мне сказочным злодеем, который делает зло для зла. Я уже после угадал причину гонений, когда угадал, за что жена Пентефрия так сильно рассердилась на Иосифа.

Но старый купец с женой иначе смотрели на свою рабу и, по прошествии известного срока, отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотелось возвратиться на родину, но как это сделать? У нее была отпускная, но не было денег, и вот она пошла в кабалу к купцам, отправившимся с товарами в